

М.И. Зверяков

доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Украины.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Проанализированы теоретико-методологические подходы к определению природы эвристического потенциала политической экономии. Рассмотрены причины и особенности его формирования и использования в рыночной экономике. Показаны условия, при которых политическая экономия превращается в метод практического действия.

Модернизация отечественной экономики является общенациональной задачей поддерживаемой всеми слоями общества. Решение грандиозных проблем модернизации возможно лишь на основе достижений науки, поскольку наука и образование является элементами национальной инновационной системы. Однако сама наука, как естественная, так и социальная приобретают специфически-исторические формы развития, которые должны быть поняты и учтены при использовании эвристического политической экономии.

Наука в условиях рыночной экономики

Бурное развитие рыночных форм хозяйствования при капитализме предоставляет науке, в первую очередь изучающей природу, возможность действительно самостоятельного развития. Те формы науки в виде религиозной схоластики, существовавшие при феодализме, были непригодны для построения индустриальной основы капитализма. Для этого необходимы были рациональные методы научного познания. «Буржуазии, - писал Энгельс, - для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой; по этой причине она была чем угодно, только не

наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании»¹

Однако противоречивый характер развития капитализма отражается и в противоречивом развитии науки. С одной стороны, именно капитализм создает базу для всестороннего развития науки, прежде всего естествознания, формирует условия приложения научных знаний в производстве. Впервые наука сознательно развивается и применяется как фактор развития капиталистического производства и превращается в непосредственную производительную силу. Наука становится профессиональной деятельностью особой группы ученых, нанятых капиталом.

С другой стороны, само единство промышленности и науки имеет одностороннюю форму, т.е. воспроизводит абстрактное отношение к природе лишь как средству и материалу производственных потребностей. Односторонность такой формы единства науки и производства проявиться, например, в игнорировании объективной необходимости учета социальных параметров технических решений, проблеме охраны окружающей среды, других социальных факторов, не имеющих прямого отношения к собственно экономической эффективности. Именно в игнорировании социальных параметров экономической жизни капиталом представлена форма конкретно-исторического отношения науки и производства как капиталистического.

Знание, обусловленное непрерывно возрастающими потребностями и способами их удовлетворения с помощью расширения производства и мирового рынка, включается в состав элементов капитала и движется по законам товарного рынка. Научное творчество становится во многом прагматичным, поскольку ставится в зависимость от способности и превращаться в полезные капиталу способы его возрастания. Прагматизм выступает определяющей формой отношения теории и практики. Научные исследования во многом становятся востребованным в зависимости от способности превращаться в полезные способы возрастания капитала. Принимаются все новшества, которые способствуют укреплению технологической и организационно-экономической основы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. т. 22 с. 307

капиталистических отношений. Не допускаются лишь те, которые ставят под сомнение существование самого капитала как общественной формы.

Стало быть, соотношение экономической науки и практики в рамках капиталистической формы отношений имеет ограниченный характер, поскольку ограничивается самими пределами капитала. В то же время, поскольку сам капитал заинтересован во всемерной экономии используемых факторов производства, он создает наибольшие возможности для развития науки. Именно наука становится решающим фактором социального процесса, а ее применение - главным условием развития общественного производства.

Именно в форме этого специфически-исторического противоречия между теорией и практикой происходит реальное развитие науки как способа преобразования действительности. Наука в рамках капиталистической формы производства исходит из представления о способности достигнуть наиболее совершенного состояния хозяйственной практики на основе рыночных отношений путем их развития, трансформации, модификации, но в рамках их собственной генетической природы.

Эволюция отношений экономической теории и практики

Наука, в том числе и экономическая, должна служить практике, но при этом следует понимать, что для того, чтобы быть нужной практике, теория должна обладать таким качеством, которым не обладает практика сама по себе. Известно выражение К. Маркса, что если бы сущность и явление непосредственно совпадали, то наука как таковая была бы просто не нужна. В этом и состоит особенность теоретического взгляда на вещи. Наука, которая изучает саму капиталистическую форму хозяйства, будет востребована буржуазной практикой, если сама она будет предлагать рецепты достигнуть наиболее совершенного состояния экономики на базе капиталистических производственных отношений путем их развития трансформации, модификации, но в рамках их собственной капиталистической природы.

Практику рыночно-капиталистического хозяйства интересует не сущность экономических явлений, а такая практическая наука, которая была бы способна давать полезные рекомендации.

Что же касается выяснения сущности капиталистического строя его исторически ограниченного характера, открытия экономических законов его развития, сделанных Марксом, то такая теория совершенно *бесполезна* с позиций капиталистической практики. Социальный заказ со стороны капиталистов, предъявленных к науке, совершенно естественно не приемлет ни такого вывода, ни такой теории, в которой он обосновывается и доказывается.

Даже в этом случае, когда экономическая наука исходит сознательно из исторического анализа, как это имеет место в «исторической школе», она остается в пределах капиталистической формы хозяйства. Через призму истории рассматриваются: развитие обмена и денежного обращения, потребности людей, их отношение к продуктам труда, но только не сам капитал. Представители «исторической школы» например Б. Гильдебранд, критикуют классическую политическую экономию за то, что у нее «все законы хозяйства стоят вне условий времени и пространства... при этом они совершенно забывают, что человек как существо общественное есть, прежде всего, продукт цивилизации и истории и что его потребности, его образование и его отношение к вещественным ценностям, равно как и к людям, никогда не остаются одни и те же, а географически и исторически непрерывно изменяются и развиваются ..."²

Как видим Б. Гильдебранд как представитель «исторической школы» под видом учета историзма критикует классику за попытку проникнуть в сущность объективных экономических процессов, которая вела бы к историческому пониманию самого капитализма. Потому историческая школа объявляет *предметом* политической экономии *национальное хозяйство*, его

² Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего СПб., 1980. с. 19

своеобразие в конкретно-исторических условиях, то есть *специфику* самого капитализма в пределах его собственной сущности, а сами сущностные объективные характеристики экономических отношений растворяются в исторических формах национального хозяйства.

Производственные отношения не рассматриваются как предмет науки. Таковыми становятся общественные отношения, представленные таким институтом, как *государство*, которое «обнимает всю совокупность человеческих отношений и несет свою цель в самом себе».³

Стремление отойти от познания *сущности* объективных экономических форм и перейти к исследованию идеологических правовых институтов указывает на возрастающую практическую роль государства в рыночных национальных системах. Как показывает опыт развития экономической науки, «исторический метод» сохраняется в современных ее течениях, например, в институционализме и др.

Подмена исследования собственно экономических закономерностей социально-правовыми, как правило, надстроечными приводит, в конечном счете, к сведению производства к *технологическому процессу*, а производственные отношения к *правовой регламентации взаимоотношений людей в производстве*. Именно правовые формы, в которых внешне являются производственные отношения и которые поддаются непосредственному практическому воздействию, становятся предметом экономической теории. Она начинает изучать вопросы экономической действительности в плоскости практических проблем урегулирования различных групп общества.

Например, проблема заработной платы изучается исходя из своеобразного теоретического представления, что она должна покрывать, сложившийся на определенный исторический период, объем спроса на предметы потребления наемных рабочих, а прибыль – обеспечить для определенного объема накопления и вознаграждения собственника капитала за его предпринимательские усилия.

³ Там же с. 31

Как можно заметить, отход от классики идет в первую очередь *путем отказа от категорий сущности*. Об этом писал еще К. Маркс, критикуя С. Бейли. Этот автор отходит от категории сущности стоимости, принимая за нее внешнюю форму «та наиболее поверхностная форма, в которой меновая стоимость проявляется как *количественное отношение*, в каком товары обмениваются друг на друга, и есть, по мнению Бейли, их стоимость»⁴ Выяснение вопроса, почему в меновом акте приравниваются совершенно различные товары и что лежит в основе этого приравнивания, не интересует Бейли. Сама постановка такого вопроса и ответ на него бесполезен с практической точки зрения. То есть с позиции участника товарно-капиталистического производства. Для него существенным является вопрос, вытекающий из практики: сколько, то есть такое количество других товаров можно получить взамен своего.

В качестве практического подтверждения такого суждения отыскиваются в практике количественные пропорции в сфере обмена, законом которого выступает, прежде всего, спрос и предложение. От количественного отношения, то есть от *поверхностной формы*, в которой проявляется меновая стоимость, поиски теоретического объяснения стоимости переносятся во внеэкономическую сферу, в область субъективного – *сознания*. «Бейли, - писал Маркс – переносит вопрос в область сознания потому, что по части теории он зашел в тупик»⁵ В этот тупик он заходит сознательно, исходя из практических мотивов: отношений обмена, которые сами по себе никогда не открывают своей собственной сущности. Если у сторонников определения стоимости количественной пропорцией обмена, *сознание* продавцов и покупателей еще не выступает в качестве последней причины стоимости, то таковой оно становится впоследствии у представителей *теории маржинализма*.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 1. 26 ч. III с. 141.

⁵ Там же..

Таким образом, можно выделить два этапа развития экономической теории. *Первый этап* характеризуется движением от попыток проникнуть в сущность экономических процессов ко все более поверхностным формам их проявления и к опоре в познании на практику обмена, законом которого выступает соотношение спроса и предложения. *Второй этап* – это переход от описания внешней видимости экономических явлений (при сохранении этого последнего) к описанию внеэкономических явлений, изучаемых другими науками. В поисках аргументов экономическая наука все чаще обращается к праву, истории хозяйства, социологии, психологии, этике, географии, математике, биологии и к другим наукам.

Подмена исследования собственно экономических закономерностей, закономерностями социальными, как правило, надстроечными некоторые исследователи рассматривают как наиболее тонкую форму вульгаризации. Она выражается – пишет В. С. Афанасьев, - в резком преувеличении реально существующих зависимостей экономических процессов от связанных с ними социальных явлений. Такова, например, *правовая* трактовка экономических процессов последователями социально-правовой школы, историческая интерпретация (в работах новой исторической школы), *семантическое* истолкование, *вульгарно-социологическая* трактовка экономических процессов (институционализм)⁶. Крайне сложно определить меру преувеличения зависимости экономических и социально-правовых явлений, ибо они действительно тесно взаимосвязаны в рамках современного механизма хозяйствования. На как называет современная хозяйственная практика, объединение экономических и социально-правовых явлений как объекта экономической науки обеспечивает ее близость к практике и способность непосредственного на нее воздействия.

При таком понимании объекта теоретического исследования производство у представителей *социально-правовой* школы выступает не как экономический, а технологический процесс, а производственные отношения

⁶ См.: Афанасьев В. С. Этапы развития буржуазной политической экономии. М.:Мысль1971 с. 289

– как правовые нормы, регулирующие взаимоотношения людей в производстве. Производственные отношения воспринимаются как *правоотношения*, т.е. только через внешние формы проявления. А поскольку нормы права являются отношениями надстроечными, идеологическими не воспроизводимыми в хозяйственном процессе, то они поддаются практическому изменению через отмену одних норм права и утверждению других. При таком понимании предмета экономической науки последняя начинает заниматься практическими проблемами урегулирования взаимоотношений различных групп, участвующих в хозяйственном процессе. Например, заработная плата должна покрывать потребности в предметах потребления, а прибыль – обеспечить существование капиталиста.

Как показывает история развития современной экономической мысли в развитых странах, последняя еще более отчетливо проявляет тенденцию к максимальной приближенности к практике. Именно *практическими потребностями* субъектов хозяйствования обусловлено появление микроэкономического уровня исследования, дифференциация экономического знания, распространения математических методов анализа хозяйственных процессов. Основной предметной областью экономической науки становятся количественные функциональные зависимости рыночного хозяйства, рассматриваемые с точки зрения или отдельного капиталистического предприятия, или отрасли, или некоторой их комбинации, связывающей отдельные хозяйственные звенья единством практической цели.

Внимание последней сосредоточено на выборе характера производственного процесса, типе и структуре производимой продукции, эффективности функционирования приложенного капитала. Особое значение приобретают математические методы, создающие основу для более глубокого познания рыночного механизма, создание статических и динамических моделей спроса и предложения и т.п.

Исследования такого рода дают знания непосредственно пригодные к применению. Конкретные цели практического характера совпадают со средствами познания. Если в

качестве цели выступает пример, определение наиболее прибыльного функционирования предприятия, то этому подчинены все способы получения такого знания. Локальный характер цели определяет средства познания.

Практика рыночного хозяйствования нуждается в такой науке, которая была бы способна разрешать экономические и социальные противоречия на собственной капиталистической основе.

В этом усматривается, с одной стороны, *антиисторизм* экономической науки, а с другой – *особый характер отношения теории и практики*. Локальный и временный характер таких решений очевиден. Вместе с тем, он формирует особое прагматическое качество всего научного знания, а не только экономического. Но прагматический характер науки не исчерпывает всего её содержания, развитого именно в рамках капитализма и имеющего непреходящее значение. Достижения науки, прежде всего естествознания, в условиях капитализма огромны.

Но социально-экономическая наука находится в особом положении. Беспристрастной социальной науки не может быть в обществе, разделённом на различные социальные группы и получающие разными способами личные доходы. И все же достижения экономической науки в период становления капитализма и формирования предпринимательского слоя в лице классиков политической экономии от В. Петти до Д. Риккардо являются примером беспристрастного *поиска истины*, создания теоретической картины действительности. Теории же, приспособленные к практическому обслуживанию наличию существующего положения вещей, достигают *единства с практикой лишь по видимости*. Между тем именно таким образом понимаемая идея единства теории и практики представляется единственно возможной формой их связи.

В утилитарно понятой теории как руководству по практическому обслуживанию налично существующего положения вещей игнорируется *суверенитет теории*, достоинство понимания сущности, представленной как научная система, практическое значение которой не исчерпывается практическим выводом.

Таким образом, специфически-историческое отношение теории к практике не устраняет реально существующие различия между теоретическим способом подхода к действительности на основе понимания её сущности и эмпирическим подходом, имеющим

ограниченную цель, подчиненную конкретным нуждам практики. Узкий практицизм отрицает достоинство *всеобщности*, которым обладает теоретический взгляд на вещи. Эмпирический подход ограничивает научную мысль теми свойствами и характеристиками изучаемого предмета, которые существенны для данных, но ограниченных форм практики. Тогда как понимание сущности процесса, открываемое теорией, даёт возможность видеть то, что скрыто за внешними формами вещей и процессов, а значит познать более глубоко и разносторонне практику.

Как отрыв теории от наличной практики, от исследования действительности лишает теорию реально исторического предмета, а тем самым социальной и научной значимости, так и подчинение теории сложившимся формам практики делает их ущербными в силу их абстрактности. В итоге крайними формами неисторического понимания обособленности теории и практики выступают *схоластика* и *эмпиризм*. Разобщённость теории и практики ведёт к представлению об изолированности предмета и метода самой теории, фундаментальных и прикладных исследований. Изначально теория и практика рассматривается как *разобщённые виды* деятельности. При таком представлении о соотношении теории и практики последняя лишается главного: возможности быть осознанной, понятой, осмысленной. Практическое действие, если оно исходит непосредственно из сущности этого предмета, на который направлено преобразовательное действие, учитывает всего совокупность условий, в которых предстанет эта действительность или процесс. В таком случае *сущностью* отношения теории и практики является их *взаимодействие*, понимаемое как реальный конкретно-исторический процесс развития теории и практики.

Когда же теория рассматривается как нечто противоположное практике, она заведомо лишена своего существенного свойства: необходимости превратиться в *метод* и способы практических действий, обладать достоинством осознанной действительности.

Если практика рассматривает теорию как момент обслуживания ее самой, то она не способна критически относиться к своим налично сложившимся формам, то есть она внеисторична.

Рефлексия такой практики принимает форму эмпиризма. Сама природа эмпиризма покоится на представлении, что сущность практической деятельности может быть

раскрыта в описании экономических фактов статистических данных хозяйственных действий, *а не в их критическом анализе*. Упускается из виду то, что уже сам сбор фактического материала предполагает наличие некоторого понимания того признака, по которому совершается отбор данных. Если исследователь не исходит из предпосылки, что в любой простейшей познавательной операции присутствует определённая теоретическая установка, определённое представление о той или иной возможности связи явлений хозяйственной жизни, то само это действие по обобщению фактического материала остаётся непонятым и тем самым произвольным. В таком случае хозяйственная практика, не будучи познанной, теоретически, но проиллюстрирована примерами, цифрами, таблицами, показателями создает видимость научного исследования практики. Однако такая практика, преподнесенная в кажущейся исследователю наукообразной форме не охвачена теорией, поскольку исходное представление о практике, её основы и принципы не были проанализированы критически. Поэтому такая практика остается *не пронизанной теорией*, какой она была и до иллюстрации таблиц, примеров и показателей.

Последнее только подтверждают и оправдывают произвольно принятые предпосылки при сборе материалов. Причиной этого является эмпирический характер метода исследования, заимствованного из простого здравого смысла. Итогом такого исследования является *предмет без определения его сущности*, т.е. на уровне видимости, но поданном в иллюзорной наукообразной форме. Количественная, описательная характеристика предмета остаётся главным признаком эмпиризма во всех его разновидностях и одновременно способствует его широкому распространению через его непосредственное восприятие здравым смыслом. Эмпиризм всегда стремится продемонстрировать тесную связь с практикой путём отношения и регистрации фактов вместо их критического анализа.

Но он не становится теорией, поскольку появляется лишь там, где нет сознательного стремления проникнуть в сущность исследуемого предмета. Эмпиризм же основывается на видимости как на своём фундаменте.

Он сводит различие между теорией и практикой в плоскость различий, в уровнях абстракции. Однако степень теоретического познания предмета не в уровнях абстракции, а в раскрытии его собственной природы, независимо от количества фактов, которые попадают в поле зрения науки. Если осуществляется практическое преобразование

действительности исходя из познанной *сущности предмета*, то такое действие носит, по сути, *теоретический* характер. В таком осознанном, сущность предмета действий, происходит развитие теории и практики и их конкретно-исторического отношения друг к другу.

Напротив, абстрактная теория, обобщающая множество фактов путём отыскания формально общего признака, например, удельного веса частной собственности в различных национальных экономиках, не откроет ничего нового, чего не содержалось бы в исходных предпосылках такого анализа. В тех случаях, когда под субъективно принятые решения, которые не основывались на теоретическом видении действительности, наука подводила «теоретическое» основания, она действовала не в соответствии с эмпирическими принципами, а с принципами угодничества, «освящения» теорией неосознанных практических решений.

В таких случаях наука лишается своего собственного содержания, особенностью которого есть критическое отношение к налично существующему положению вещей. Задача теории сводится к наукообразной форме обоснования самой практики. Теория, следующая покорно за практикой, не оценивающая её критически не продвигается на пути познания действительности. Наука не исследует содержания самого предмета, которое связано с критическим отношением к любому наличному состоянию, к любому достигнутому результату. А некритический характер практики обусловлен отсутствием в её составе теоретического момента. Такое положение теории и практики порождает *схоластику*, сущность которой заключается в *отсутствии у науки реального предмета*.

Когда наука лишается своего предмета, но сохраняющая свой методологический инструментарий она начинает искать предмет в формах *логизации и гносеологизации* конкретных экономических проблем. Внешне это выглядит как повышенный интерес исследователей к методологическим проблемам экономической теории. Непосредственная задача исследования самых производственных отношений *отодвигается на второй план*, на первый план выходят исследования принципов и способов экономического анализа в качестве необходимой предпосылки самого изучения производственных отношений. В этом случае первостепенный интерес к методологии исследования обусловлен не содержанием самого предмета и его особенностями, а его отсутствием. В таком случае

экономическая наука выводит практику из-под теоретического, критического анализа, поскольку критике подвергается сам методологический инструментарий, а не наличная хозяйственная практика. В таком случае происходит подмена предмета самой теории, им становится сам *метод* исследования, а экономическая теория объективно выталкивается в область философской проблематики.

Предметом экономического исследования является уже не реальность, а *логическая форма*, которая, как известно, представляет собой предмет философии.

В таком случае образуется некий квазипредмет, который заменяет действительный анализ противоречащих друг другу фактов и противоречий. Подлинного научного развития не получает ни логическая форма, ни экономический материал, поскольку логическая форма является предметом философии, а экономический материал становится предметом применения этой логической формы.

Практическая направленность экономической теории реализуется с одной стороны в строго определённой среде общественной практики, по отношению, к которому теоретические выводы имеют непосредственное прикладное значение, - *методов практического действия на основе познанных внутренних противоречий предмета*. С другой стороны, экономическая теория является методологической и теоретической основой конкретного экономического знания, способом понимания и анализа экономических фактов через призму социально-экономической природы существующей хозяйственной системы.

Отношение теории и практики по своему сущностному определению есть их *взаимодействие*, она всегда обретает конкретно-историческую форму, т.е. форму, зависимую от характера практики. Стало быть, само это взаимодействие имеет системный характер, поскольку теория отражает системный характер практического действия.

В рамках самой теории ее отношение к практике приобретает форму взаимодействия предмета и метода науки. Внутри этого взаимодействия и совершается развитие науки, формирование теории в ее собственном качестве, отличном от практики и обеспечивающем их неразрывную связь.

Взаимодействие предмета и метода

Отношение предмета и метода экономической теории, на первый взгляд, кажется, довольно простым и может быть представлено как отношение несводимых друг к другу противоположностей. Предмет политической экономии объективная реальность отношения между людьми в процессе производства материальных благ. Предметом науки выступает определенная сторона объективной реальности. Тогда как метод, понимается совокупность способов, приемов познания непопулярных для получения необходимых знаний о предмете, вступает как субъективная сторона познания.

Но процесс познания не сводится к набору познавательных средств. Эти последние не являются заранее известными и готовыми инструментами, которые познают предмет в соответствии с их собственными свойствами. Сами познавательные инструменты впервые находят себя в процессе исследования предмета.

Поэтому внешняя связь предмета и метода политической экономии представлена как отношения объективного и субъективного, практического и теоретического. Если ограничить связь предмета и метода лишь этими внешними характеристиками, то может сложиться представление о методе как о чем-то привнесённом в науку извне способа познания действительности. А это уже ведет к свободе в выборе методов познания или к их произвольному заимствованию из других наук, что в итоге приводит к утрате предмета науки.

Метод исследования является своеобразным отражением предмета, его внутренних закономерностей развития и определяется его особенностями.

Именно внутренне содержание предмета в его изначально осмысленном виде является основой формирования приемов и правил, которыми должен руководствоваться исследователь в ходе теоретического отображения закономерностей развития экономических отношений. Метод, выступая специфическим «инобытием» предмета науки, выражая субъективную сторону познания, является в содержательном плане объективным.

Уже на первоначальном этапе определения предмета познания необходим определенный методологический инструментарий, от содержания которого зависит характер постижения предмета науки. Это означает, что на этапе создания предмета метод

участвует в формировании начального представления о предмете, и поэтому он находит себя в предмете. Только так метод начинает развиваться вместе с познанием предмета.

Особенность теоретического познания состоит в том, чтобы в огромном мире фактов отыскать их внутреннее единство и в этом единстве выделить их различие. В пределах этого единства, которое представляет собой «тот особый эфир, который определяет удельный вес того, что в нем имеется»⁷, возможно сопоставление и увязывание различных явлений. Но этот процесс предполагает выявление того уровня, на котором возможно осуществление сопоставления и «выведения явлений». Проблема уровня, это проблема установления той всеобщей для данного круга явлений субстанции, которая составляет реальность, в которой теоретическое познание движется и, ориентируясь на которую, оно оценивает эмпирические факты. Успех научного познания зависит от того, что оно рассматривает в качестве подобной субстанции.

Становление классической политэкономии исторически и логически было связано с формированием предмета путем отказа от анализа психологического социально-правового порядка. Наука всякий раз переходила к новому этапу своего развития в зависимости от определения того «логического пространства», в котором был определен ее предмет. Так уже у меркантилистов стал формироваться предмет политэкономии: сначала отношения обмена, в которых искали источник роста богатства страны, а потом и производства (поздние меркантилисты). Вместе с тем меркантилисты еще не освободились от вопросов экономической политики государства и это является свидетельством неразвитости экономической теории.

Политическая экономия как теоретическая наука осуществляет определенный «логический срез» экономической действительности очерчивая тем самым контуры собственного специфического предмета, только в рамках этого среза все теоретические положения имеют смысл и доказательную базу. Всякое смещение предмета политической экономии, в сторону права, морали приводит к тому, что её теоретические положения теряют смысл.

Теория, как известно, необходима только там, где исследователя интересует существенное, не совпадающее с обманчивой видимостью вещей. Способ существования

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. соч. 2-е изд. Т.46. С.43

науки отличается от способа существования обыденного представления, поскольку сущность, которая интересует теорию – это системное, отличное от другого качество. Понимание сущности означает построение, разворачивание системы отношений, в которой и благодаря которой существует данная сущность. Таким образом, познать сущность означает понять, как развёртывается система отношений в целостность.⁸

Эмпиризм последовательно пришёл к отрицанию объективного значения, категории сущности, что нашло своё отражение в философском течении позитивизма. Последний пытается обнаружить существенное, выделив некий абстракт, присущий множеству отдельных индивидов. Тогда как познание сущности лежит на пути конкретизации, «срастания» отдельных элементов в систему.

Но всякая ли система обязательно выражает и представляет истину, выражает сущность? Отнюдь не всякая. Например, учитывая соотношение спроса и предложения можно построить определённую систему, основанную на эмпирических фактах рыночного обмена. Такая система как совокупность взаимосвязанных положений, способна давать практические рекомендации. Но это эмпирическая система не схватывает и не постигает в единстве противоположные определения некоторой действительности, конкретности.

Таким образом, можно сказать, что в экономической науке представлено два рода систем: эмпирические и теоретические. Они имеют определённую субординацию с позиций системной организации знания. В зависимости каков предмет представлен в системе таков и её метод.

Экономическую «модель» общества можно построить по любому принципу: по инвестиционной логике, системе налогов, «человеческому капиталу» и т.д. Но в таком случае это фрагментные, а не универсальные отражения действительности. Теория становится универсальной тогда, когда она схватывает и познает все стороны действительности целостность и завершенность таких систем в философии характеризуются как *тотальность*. Теоретическое воспроизведение капиталистического способа производства, представленное системой «Капитала» описывает саму тотальность и конкретность.

⁸ «В каждом обществе производственные отношения образуют некоторое единое целое (Маркс К., Энгельс Ф. соч. г-е изд. т. 4. с. 133)

Логика экономического развития совпадает с логикой построения научной теории, а способ построения последней совпадает, в конечном счете, и с существенными характеристиками действительности.

Поэтому диалектика, является высшим способом теоретического освоения действительности. Она есть одновременно и теория познания, и теория развития самой объективной действительности. Система теории отражает целостный характер практики.

Когда экономическая наука выработала свои основные понятия, на основе определенного метода и применяет их для понимания факторов, то общая методология оказывается уже «снятой», уходит в основания.

Как только наука становится на свои «собственные ноги», достигается органическое единство предмета и метода. Метод воплощается в определенной системе, вся система становится методом дальнейшего движения, способом решения практических и теоретических задач. Представлять факты, явления в их внутренней связи – это и значит представлять их диалектически.

Движение к практике принимает в самой теории форму единства предмета и метода. Это единство предмета и метода выступает как теоретический способ реализации практической направленности экономической теории и как путь достижения органического единства теории и практики.